

На банкете по случаю завершения съёмок «Ясного дня» Линь Е мёртвой хваткой вцепился в Цзи Чэньгэ и рыдал в три ручья.

— Брат... Не уходи! Не брошай меня! — Молодой менеджер висел на актере, точно осьминог, и безрассудно причитал: — Родителей больше нет... Ты не можешь меня оставить! У меня ведь кроме тебя никого не осталось... Брат... Только ты у меня и есть...

С каждым словом этот обычно рассудительный парень захлёбывался слезами всё сильнее, напрочь вытирая пиджак Цзи Чэньгэ соплями и слезами.

Сюй Нуо громко и сочно икнул.

— Ладно, Линь Е, ну ты и гад! Я так и знал, что ты во мне души не чаешь! Мечтаешь стать менеджером брата Цзи, да?! Скажи прямо: я недостаточно хорош для тебя? Недостаточно красив, да?!

Пьяный в дрова Янь Миншэн с трудом ворочал заплетающимся языком, но выкрикнул:

— Да пошёл ты, альфонс недоделанный! Красавчик выискался! Линь Е только по слепоте с тобой контракт подписал!

Осадив Сюй Нуо, он ткнул пальцем аккурат в Цзи Чэньгэ.

— Цзи Чэньгэ! Выходи! Честно... ик... сойдёмся в дуэли!

Цзи Чэньгэ молча смотрел на этот балаган.

Его менеджер — тоже.

Что за бессмысленный цирк?

— Чэньгэ, они все в соплях, — понизив голос, шепнул Сяо Цин. — Пойдём сбежим тихонько в отель, пока нас не затянули.

Нализавшийся до беспамятства Линь Е каким-то чудом уловил смысл и тут же вцепился в Цзи Чэньгэ с удвоенной силой:

— Нет! Не пушу! Это мой брат! Он никуда не пойдёт!

У Сяо Цина аж голова распухла. Похлопав парня по затылку, он проворчал:

— Послушай, Линь Е, он Цзи, ты Линь — с какого перепугу он твой брат? Отцепись давай, мне ещё своего драгоценного сыночка в отель укладывать спать надо!

Мало того что этот сопляк прибил к съёмочной группе «Ясного дня» на халявные хлеба, так ещё и устраивает тут пьяный дебош.

Ассистент Цзи Чэньгэ подоспел на помощь. Вдвоём, согнав с себя три пота, они еле-еле оторвали этого клеща от актёра.

Попрощавшись с режиссёром и сценаристом, троица в спешке покинула банкетный зал, опасаясь, как бы орава захмелевших безумцев не догнала их с кубками. Уходя, они всё ещё слышали доносившиеся из глубины зала отчаянные рыдания Линь Е.

Тот плакал настолько искренне и горько, словно над ним рушился весь мир.

На душе у Цзи Чэньгэ от этих звуков стало тяжело и скверно.

Оказавшись на улице, под порывами свежего ночного ветра, ассистент с удивлением понял, что промок до нитки от пота. Исключительно от дикого напряжения.

С недоумением почесав затылок, он спросил:

— И что это вообще было с Линь Е?

Сяо Цин тяжело вздохнул.

— Перебрал, вот и всплыли воспоминания о брате. Говорят, старший брат Линь Е тоже крутился в шоу-бизнесе. Их родители рано ушли из жизни, так что старший один тянул семью, зарабатывал на съёмках. А когда Линь Е окончил университет, у его брата обнаружили рак желудка в последней стадии... Несколько лет — и человека не стало.

— Надо же, вот оно как... — изумился ассистент.

— Да уж, — продолжал менеджер, и голос его сдал от нахлынувшей грусти. — Говорили ещё, что у его брата агент был той ещё гнидой — выжимал из артиста все соки. Линь Е пошёл в менеджеры отчасти в память о брате, а отчасти потому, что не хотел, чтобы талантливых ребят гнобили такие вот рвачи.

Заводя мотор, ассистент с сочувствием пробормотал:

— Выходит, он в Чэньгэ видит родного брата... Теперь понятно.

Парень наконец осознал, отчего Линь Е постоянно крутится возле Цзи Чэньгэ. Раньше он подозревал, что тот пытается переманить актёра к себе, а дело оказалось куда печальнее.

Цзи Чэньгэ сидел на заднем сиденье и молча всматривался в проплывающий за окном ночной пейзаж. В его обычно безмятежной душе впервые за долгое время поднялась лёгкая волна.

Линь Е прорыдал на его плече почти полчаса. Всё это время Цзи Чэньгэ хранил молчание, а перед уходом поймал себя на небывалом чувстве жалости — опыт для него крайне непривычный.

За тысячелетие, проведённое в мире самосовершенствования, его сердце уподобилось гранитному монолиту. Все эмоции вспыхивали и гасли мгновенно, не оставляя на душе и следа.

Но в этот раз что-то сдвинулось.

Молчавшая не один год система неожиданно подала голос в его сознании. Чувствительная к состоянию хозяина, она поинтересовалась ровным, безэмоциональным тоном:

[Хозяин, вы в порядке?]

Цзи Чэньгэ прикрыл глаза.

«Всё в норме. Просто история Линь Е показалась мне знакомой».

Система, носившая имя «Сяо Кэай», немного помедлила и отозвалась:

[Для автора абсолютно естественно наделять протагонистов собственным жизненным опытом или чертами характера.]

И «Хроники выживания бессмертных и демонов», и «Становление киноимператора» вышли из-под пера одного человека — писательницы под псевдонимом Девушка Хэцзы.

Иероглифы «хэ» и «цзы», составленные вместе, образуют иероглиф «Цзи».

Все эти романы написала родная сестра Цзи Чэньгэ — Цзи Цзяцзя.

Система безучастно продолжала:

[Главный герой этого мира более прочих похож на своего Творца. Он унаследовал жизненный путь Девушки Хэцзы, а вместе с ним — её любовь и тоску по вам.]

«... Я знаю».

Прошлые Линь Е было точной проекцией судьбы самой Цзи Цзяцзя.

Система попыталась по-своему ободрить его:

[Если бы Девушка Хэцзы узнала, что вы переродились в вымышленном её воображении мире и живёте в полном здравии, она была бы бесконечно счастлива. Хозяин, не печальтесь: Девушка Хэцзы навеки с вами! Чмок-чмок!]

Выдав эту тираду, система вновь ушла в глубины духовного моря Цзи Чэньгэ.

Его система носила название «Пусть брат проживёт сто лет». Много лет назад, когда Цзи Чэньгэ скончался от рака, его безутешная сестра Цзи Цзяцзя под влиянием горя придумала эту концепцию трансмиграции.

Девушка и помыслить не могла, что набросанный от тоски и одиночества экстра-эпизод в один прекрасный день претворится в реальность.

Её всепоглощающая любовь и тоска материализовались в систему, перенёсшую душу Цзи Чэньгэ в пространство книг. Теперь он мог безнаказанно жить в мирах, рождённых фантазией сестры.

Преодолевая очередной мир, он обретал власть над его законами. И чем больше законченных книг оставляла после себя Цзи Цзяцзя, тем шире становились его владения... Рано или поздно количество подвластных ему миров перевалило бы критическую грань, и вознесение в ранг божества стало бы лишь вопросом времени.

Система, унаследовавшая толику чувств сестры, служила ему верой и правдой, никогда не создавая помех.

А главные герои, перенявшие черты её характера, с первой встречи испытывали к Цзи Чэньгэ априорную, неизлечимую симпатию, переубеждать их в которой было абсолютно бесполезно.

Даже Небесный Закон этих миров, хранивший в себе часть воли сестры, благоволил ему: стоя за спиной Цзи Чэньгэ, Воля Небес закрывала глаза на любые его вмешательства в канон, пока те не выходили за рамки разумного.

Имея на руках подобные читы, не стать богом было бы просто преступной глупостью.

На тёмном стекле автомобиля отразился его утончённый профиль.

«Что ж... Когда я стану богом, надо будет переписать таймлайн для Линь Е, где вся его семья жива и невредима».

\*\*\*

Спустя несколько дней. Город А, жилой комплекс «Утренний снег».

— Только что звонили продюсеры «Чёрных часов», — в трубе раздался бодрый, полный энтузиазма голос менеджера. — Говорят, стартует промо-кампания. Режиссёр Ли просил передать: если ты свободен, желательно присоединиться к съёмочной группе. Ты всё-таки исполнитель главной роли.

— Разумеется, — соглашаясь, откликнулся Цзи Чэньгэ.

— Отлично, тогда пока отдыхай. Ты где сейчас?

— Только что въехал на территорию комплекса.

— О, а я как раз до дома добрался. Ну, на связи, Чэньгэ! Отдыхай, если что — сразу набери!

— Договорились, до встречи, брат Сяо.

Завершив разговор, актёр вылез из машины, ровно в этот миг замершей у его подъезда, и вытащил из багажника дорожный чемодан.

— Езжай домой, отдохни, — сказал он ассистенту. — Ты отлично поработал за эти дни.

Проводив взглядом отъезжающий автомобиль, Цзи Чэньгэ покатил чемодан к двери и повернул ключ в замке.

Квартира встретила его привычным убранством, однако на журнальном столике в гостиной алела свежая, ещё покрытая росой роза. Бутоны без слов намекали: господин сталкер и сегодня неизменно нанёс свой визит.

Цзи Чэньгэ лишь вздохнул.

Однако в следующий миг его шаги замерли.

Пол усыпали раздробленные обломки пластика и микросхем. Подняв взгляд, он с изумлением обнаружил, что обе скрытые камеры в гостиной зверски уничтожены — их разнесли в хлам каким-то тяжёлым орудием, оставив от корпусов лишь изуродованные обрубки.

Оставив чемодан, он заглянул на кухню.

Кухонный объектив постигла та же участь.

Не веря своим глазам, Цзи Чэньгэ обошёл оба этажа. Все камеры до единой — даже те, что он замаскировал в платяном шкафу, — превратились в бесполезную труху.

Что за сюжет для дешёвого хоррора?

Ему ничего не оставалось, кроме как пройти в кабинет и открыть архив видеозаписей на компьютере.

На экране возник знакомый силуэт: облачённый во всё чёрное мужчина волок за собой массивный, явно тяжёлый мешок.

В одной руке визитёр сжимал топор, а другой тянул тёмно-синий баул. Небрежно сбросив свою поклажу на пол, он с особым садистским удовольствием разmozжил лезвием камеру, направленную на прихожую.

Цзи Чэньгэ дар речи потерял.

Так вот что означало то его полубезумное «Я жду тебя дома»?!

Он-то грешным делом подумал, будто Шао Цзюэ угомонился. А эта фразочка оказалась аналогом школьного «Жду тебя после уроков за гаражами»?

Неизвестный на видео действовал на редкость методично: один человек, один топор — и вся система наблюдения пущена под откос. Даже те скрытые объективы, о расположении которых знал только хозяин квартиры, жулик нашёл без труда и с особым цинизмом искромсал на куски.

Созерцая потухший монитор, Цзи Чэньгэ откинулся на спинку кресла и спустя некоторое время невольно усмехнулся.

Достав телефон, он отправил менеджеру короткое сообщение:

«Можешь мне немного помочь?»

Сяо Цин мгновенно проявил крайнюю степень паранойи:

«Что случилось?! Так, стоп, не говори, что делать! Сначала скажи: у тебя дома опять что-то

стряслось?!»

Вздыхнув, Цзи Чэньгэ сфотографировал на камеру смартфона «останки» одного из устройств и отослал многострадальному Братцу Сяо.

В ответ посыпался град из трёх десятков вопросительных знаков, после чего сразу же раздался звонок:

— Чэньгэ! Сиди там и не дёргайся! Я выезжаю! Чёрт бы всё это драл!

Гаркнув в трубку, менеджер сбросил вызов и на всех парах помчался обратно в ЖК «Утренний снег».

Цзи Чэньгэ озадаченно поглядел на погасший дисплей. Попытался перезвонить, но Сяо Цин уже не брал трубку.

После двух безуспешных попыток связаться с ним актёр лишний раз убедился, что тот глух к мнениям со стороны.

Ну и ну.

Делать нечего. Закрыв ноутбук, он спустился на первый этаж, рассчитывая прийти в себя при помощи баночки холодного кофе. Но стоило ему распахнуть дверцу холодильника, как перед взором предстало орудие преступления — тот самый чёрный топор, бесстыдно развалившийся на свежих продуктах.

Цзи Чэньгэ онемел.

Серьёзно? На кой чёрт засовывать топор в холодильник?! Нельзя было аккуратно убрать его в кладовку, разложив по полочкам?!

Ощущая смертельную усталость от происходящего абсурда, Цзи Чэньгэ перенёс топор в подсобку и наконец сделал глоток ледяного напитка.

Кофе оказался вымораживающе-горьким, с резким послевкусием — абсолютно не тот сорт, которому он отдавал предпочтение. Взглянув на дату изготовления, Цзи Чэньгэ опешил: закатано в банки позавчера!

Каким образом у человека, отсутствовавшего дома два месяца, в холодильнике очутился напиток двухдневной свежести?

Похоже, сумасбродный сталкер не ограничивался доставкой роз — он всерьёз взял на себя заботу о содержимом его холодильника.

Сделав ещё глоток, Цзи Чэньгэ внезапно вспомнил кое-что важное.

На видеозаписи ночной гость помимо топора тащил за собой огромный упитанный мешок. Учитывая, с каким трудом тот волок свою поклажу, вещь явно осталась в доме.

Сказано — сделано. Цзи Чэньгэ принялся методично обшаривать комнаты, но нигде не обнаружил и намёка на тёмно-синий баул.

Неужто унёс с собой?

Пока он ломал голову над этой загадкой, зазвонил мобильный. Экран высветил номер Сяо Цина.

— Чэньгэ, я у КПП! Кажется, запомнил дубликат пропуска. Свяжись с охраной, пусть пропустят меня!

Цзи Чэньгэ подтвердил, и менеджер тут же передал трубку дежурному охраннику.

На ходу согласовывая въезд, актёр зашёл в спальню. Наклонившись, чтобы бегло оглядеть пространство под кроватью, он обомлел: из мрака вырисовывался знакомый тёмно-синий силуэт!

Цзи Чэньгэ мгновенно собрался.

Нашёлся! Тёмно-синий... спальный мешок?

Приложив усилие, он вытащил тяжеленный кокон наружу и расстегнул молнию. Из нутра чехла синюшной плетью вывалилась обескровленная мужская рука.

Цзи Чэньгэ остолбенел.

Синевато-багровая, трупного оттенка рука.

Абсолютная, безупречная картина избавления от трупа.

В этот момент в прихожей хлопнула входная дверь, и раздался запыхавшийся крик Сяо Цина:



— Чэньгэ, я здесь!

Цзи Чэньгэ замер.

И резким, точным пинком отправил спальный мешок обратно под кровать.

<http://bllate.org/book/19576/1942798>